

МОСКОВСКОЕ УТРО

Июнь. Светает. В небе тихо.
Твердеет солнечный агар.
А тополь пухом, как крольчиха,
Забрасывает тротуар.
Такое утро для кого-то –
Очередной природный буфф.
Синица три весёлых ноты
Гоняет через тонкий клюв.
Москва-река лучится в бликах,
Качает уток на волнах.
И вдоль ограды повилика
Глощает солнце на правах
Переселенца поневоле.
Котёл плавильный, город мой!
В твоём жестоком биополе
Немыслим утренний покой.
Вот рёв машин, зов электрички
И гул подземного метро
Стирают песни хрупкой птички,
А бес работы под ребро
Толкает спящего соседа:
Будильник, новости, омлет...
Конец, похоже, близок света,
Что обещают столько лет.
Бежать, в провинцию, к лягушкам,
Где умолкает вечный бой!
И трав зелёную подушку
Мять по-коровьи за щекой,
Почувствовать, как пахнет клевер,
Как звучен иволги призыв
В краю, где мох растет на север,
И круче всех – речной обрыв.

* * *

Ни человека, ни дома,
Поле, простор – благодать!
Пахнет на солнце солома,
Сладко в стогу будет спать
Выгнанным в поле скитальцем,
(В небо – и душу, и взгляд),
Облако щупая пальцем
Или созвездие Плеяд.
Падаю в глупой надежде
Так и остаться в раю
В новой пшеничной одежде
У тишины на краю.

СОН МАНДЕЛЬШТАМА

Спит Мандельштам, тревожный видя сон:
Черёмуха, от бусинок чернея,
Глазами зла всезнающего змея
Летит к нему в ладонь со всех сторон.
И сок её венозный, как дурман,
На нары льётся загустевший жижей.
И потолок спускается всё ниже,
Закачивая в лёгкие метан. –
Взорвётся мир от искры его слов.
И он молчит, других от бед спасая.
Апостол Пётр в руке с ключом от Рая
В декабрьском сне открыть замки готов.

МЕТАНОЙЯ

И ныне. И присно.
Вовеки. Но где?
В какой утекающей
в Лету воде?
В какие сосуды
прошедших веков,
в ладони-глазницы
каких дураков
песком уходящих
в такой же песок?
Ты слышишь?
Ответь нам, всевидящий Бог!
Покуда мы ныне
в безверьи дрожим,
захлопнуты двери
под тягой пружин,
натянутых кем-то
на двери к тебе.
Песок на губах.
На ступенях.
В воде.
Песок
перемолотых.
Это ведь мы?
Чернобыльским
взрывом,
а стронций чумы
исходит из нас,
зависая как нимб.
Он в жабры впивается
дышащих рыб
бедой, что уже
не уйдет никуда.
Как тот рыжий лес.
Как отравя-вода.
Как то, что
нас душит
под лживостью фраз.
Мы – рыбы.
Молчали тогда
и сейчас.
И ныне. И присно.
Во веки веков.
Потомки ушедшей
страны дураков
в историю прошлого,
словно в песок.
Прости нас.
Без выстрела

точно в висок.
Прости нас,
с крючка отпусти.
Что потом? –
Пошлешь
искупление
сыном Христом.
Мы заново сможем
пройти этот круг,
создав и разрушив.
И снова на крюк
наживы подсядем...
Не надо опять!
И милость на нас
понапрасну
не трать.
И ныне. И присно.
И все же, прости,
сжимая песчинки,
как вечность в горсти...

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Скрип половиц. Замедленная речь.
Горит теплом разморенная печь,
И рыжий кот растянут на диване.
Щеколда стукнет, загудит в трубе.
Поправлю плед заснувшему тебе. –
День уплывает лодкой в океане.

И, растворяясь в сумерках небес,
Чернеет хлебной корочкою лес.
А после, по законам океана,
Его глотает тёмно-синий мрак,
Где лодку не догнать уже никак, –
Не вытащив удой Левиафана.

Пусть семь потоков сойдут во сне веков,
И выйдет Нил из древних берегов,
Плыви себе в видениях Танаха.
Архангел Гавриил наточит меч.
Ветхозаветным гулом дышит печь. –
В ней догорает половица страха.

Увидишь сам, как утром в феврале
Две первые звезды, взойдя в золе,
По дымоходу вырвутся наружу.
От них пойдут вселенские ростки...
Ну а пока на лепесток руки
Клади во снах истерзанную душу.

Здесь хорошо. Здесь прост и ясен быт.
И чайник на живом огне кипит.
Вкуснее чай от чабреца с душицей.
Ты будешь чист, проснувшись поутру.
И жизнь начнёшь со снега на ветру
От Иоанна первую страницей.

ДАЙ МНЕ УТРО

Дай мне утро! И солнце дай,
Чтоб лилось оно через край,
Через синюю плоть небес
На чернеющий мартовский лес.
Видишь, утки на льдине плывут
Строить новый семейный уют
В начинающейся весне?
Ах, как хочется тоже мне
Всё с нуля: и гнездо, и траву.
Как проснусь, помолясь поутру,
Дай мне просто дороги нить,
Всё сплести, всё самой смастерить
Из надежд и твоих лучей.
Дай мне, март, свой звенящий ручей,
Чтобы детский кораблик мог
Вновь поверить, на всё есть Бог.
То по воле людей – кресты
На сто вёрст, а не полверсты...
Дай мне утро. Чтоб всё забыть.
Дай мне солнце и силы – плыть.
Или выплыть. Беги, ручей!
И плыви, мой кораблик ничей,
По ничьей в никуда воде
На раскрашенном в синь холсте!

В СОСНОВОМ ЛЕСУ

Лес сосновый успел по-июльски
на солнце прогреться.
Берег речки прогнулся
спиною кошачьей в прыжке.
И маслята бесценною ношей
ложатся на сердце
В целлофановом рваном,
без ручки, случайном мешке.
Пахнет счастьем свободы,
беспечностью лета и хвоей. –
Вот когда ничего не желаешь,
(а только бы дальше идти!)
Ощущая во всем притяжение жизни земное
На неровном, в корягах да шишках,
песчаном пути.
Водомерки скользят по воде детворою речною.
Пахнет илом и рыбой.
Прохладу рукой зачерпну.
Мне хотелось бы здесь
прорасти после смерти травую,
Поплавки облаков запустив на небес глубину.

ПОСЛАНИЕ В БУТЫЛКЕ

две бесконечности на горизонте сошлись
небо глядит в отражение смотрящее ввысь
чуть солонее слезы набегают морская волна
смыло полнеба и вот уже небо касается дна
где на осколках песчаных миров тишина
втиснуто небо запиской в бутылку из-под вина
чья-то прощальная фраза качаясь плывет
по воде
словно чужая душа что созвучна всеобщей
беде
может быть в море есть то что потеряно здесь
выловишь если бутылку за горло подвесишь
чтобы тоска уходила из тела наверх в никуда
чтоб без пустот и стекла очищалась вода